

ХРОНИКИ ЦЕРЕРЫ

ИСПЫТАТЕЛЬ

ФИНАЛЬНАЯ КНИГА ТРИЛОГИИ



МАКСИМ БАЙТОВИЧ

Максим Байтович

Испытатель

«Автор»

2026

Байтович М.

Испытатель / М. Байтович — «Автор», 2026

Год назад экипаж «Цереры» говорил с Изначальными. Год назад человечеству дали отсрочку. Теперь срок истёк. Испытатель прибывает точно в назначенный час. Но это не армада, не оружие, не судья. Это вопрос — один-единственный, обращённый ко всему человечеству. Вопрос, на который нет правильного ответа. Вопрос, который заставляет каждого увидеть себя таким, какой он есть. Пока Совет спорит, пока военные готовятся к безнадёжной битве, Маркус Райт и его экипаж понимают: настоящий враг не за гранью реальности. Настоящий враг — Орсон Мерритт, глава «Прометей Индастриз», который нашёл маяк внутри звезды. Оружие, способное стереть любую планету. И он готов нанести удар. Но даже если Мерритта остановить, даже если Испытание будет пройдено — останется Дверь. Та самая, о которой писал Александр Кейн. Дверь, за которой ждут Изначальные. И чтобы открыть её, кому-то придётся пожертвовать всем. Финальная книга трилогии. История о выборе, жертве и надежде, которая не умирает, даже когда гаснут звёзды.

© Байтович М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Год спустя	5
Глава 2. Вопрос	10
Глава 3. Эхо тишины	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Испытатель

Глава 1. Год спустя

Тишина перед бурей

Год — это много или мало? Для Маркуса Райта, который провёл последние двенадцать месяцев на военных верфях, в тренировочных лагерях и в залах заседаний Совета, год пролетел как один день. Он почти не спал. Почти не отдыхал. Почти не видел Эстер — она тоже была занята: тренировала пилотов для нового корпуса, летала на разведку к дальним маякам, моталась между Землёй и колониями с дипломатическими миссиями. Они пересекались редко. Но когда пересекались — не нуждались в словах. Достаточно было просто сидеть рядом в тишине, зная, что другой рядом.

Сегодня был особенный день. Маркус стоял на смотровой палубе орбитальной станции «Эгида», построенной специально для наблюдения за точкой прибытия Испытателя, и смотрел на звёзды. Где-то там, в темноте, уже формировался разрыв в пространстве — аномалия, которую засекли сенсоры три дня назад. Она росла. Приближалась. И через несколько часов должна была достигнуть критической массы.

— Ты опять не спал, — раздался голос за спиной.

Эстер подошла неслышно, как всегда. Она была в лётном комбинезоне нового образца — чёрном, с серебряными нашивками. Корпус «Стражей» — элитное подразделение, созданное для контакта с Изначальными. Она командовала эскадрильей. Маркус до сих пор не мог привыкнуть к тому, что бывшая пиратка стала уважаемым офицером. Хотя, если подумать, он и сам прошёл путь от спившегося капитана до советника Совета. Странные повороты судьбы.

— Не спал, — согласился он. — Думал.

— О чём?

— О том, что через несколько часов всё изменится. Мы ждали год. Готовились. Строили корабли. Тренировали людей. А теперь... теперь я не уверен, что мы готовы.

— Мы никогда не будем готовы. — Эстер встала рядом. — Но мы сделали всё, что могли.

— Достаточно ли этого?

— Узнаем через несколько часов.

Она взяла его за руку. Просто взяла. Без слов. Этот жест стал для них привычным — способом сказать то, что не требовало озвучивания. «Я здесь». «Я с тобой». «Мы справимся».

В смотровую палубу вошли Дариус и Кассель. Дариус за год осунулся ещё сильнее — он продолжал расшифровывать дневники брата и, кажется, нашёл что-то важное. Его глаза горели тем же огнём, что и у Лиры когда-то. Одержимостью. Или прозрением. Или тем и дру-

гим сразу. Кассель, напротив, выглядел помолодевшим. Отставка пошла ему на пользу — хотя формально он оставался советником, фактически адмирал передал командование более молодым офицерам и занимался только самыми важными вопросами.

— Аномалия расширяется, — доложил Дариус. — Сенсоры фиксируют колоссальный выброс энергии. Такой же, как на маяке номер семь. Только мощнее. Гораздо мощнее.

— Это врата? — спросила Эстер.

— Вероятно. Но они отличаются от тех, что мы видели. Те врата открывались в центр галактики. Эти... эти ведут куда-то ещё. Туда, куда ушли Изначальные. За пределы известного космоса.

— Сколько у нас времени?

— Час. Может, два.

Кассель подошёл к иллюминатору:

— Совет в панике. Половина членов предлагает атаковать аномалию, пока она не открылась. Другая половина — послать дипломатическую миссию. Третьи вообще предлагают эвакуировать Землю.

— Эвакуировать? — Маркус покачал головой. — Куда? У нас нет колоний, способных принять всё население.

— Я знаю. Но страх заставляет людей думать иррационально. — Кассель посмотрел на него. — Ты готов? Ты будешь говорить с ними.

— Я помню. — Маркус сжал кулаки. — Мы репетировали это десятки раз. Я знаю протокол. Знаю вопросы. Знаю ответы.

— Но ты не знаешь, что спросят они, — тихо сказал Дариус. — Александр писал: «Испытатель задаст один вопрос. Только один. И от ответа будет зависеть всё». Но он не знал, какой именно. Никто не знает.

В смотровой воцарилась тишина. Каждый думал о своём. О прошлом. О будущем. О том, что через час они встретятся с силой, которая уничтожила сотни цивилизаций. И либо докажут, что человечество достойно существовать, либо станут ещё одной строкой в списке тех, кто не прошёл Суд.

— Ладно, — сказал наконец Маркус. — Идём готовиться. Встречаем Испытателя через час.

Аномалия открылась точно в срок.

Это было не похоже на врата маяка номер семь. Там портал был сферой голубого света — контролируемой, стабильной. Здесь же само пространство разорвалось, как ткань, и из раз-

рыва хлынул свет — не голубой, а белый, ослепительный, всепоглощающий. На мгновение все сенсоры ослепли. Все экраны погасли. Все, кто был на «Эгиде», замерли, ожидая удара.

Но удара не последовало.

Свет померк. И на его месте возник корабль. Если это можно было назвать кораблём. Он не походил ни на что, созданное людьми или Первыми. Скорее — на сгусток живой материи, которая постоянно меняла форму: то сфера, то спираль, то многогранник. Он был огромен — размером с «Эгиду», а то и больше. И он молчал.

— Они здесь, — прошептала Эстер. — Изначальные.

— Нет, — ответил Дариус. — Это не Изначальные. Это Испытатель.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что Изначальные не приходят сами. Они посылают того, кто проведёт Суд. Так написано в дневниках Александра. Испытатель — это не судья. Это... инструмент. Зеркало. Он покажет нам то, что мы есть на самом деле.

Корабль-Испытатель завис в ста километрах от «Эгиды». Он не атаковал. Не передавал сигналов. Просто ждал. И в этом ожидании было что-то более пугающее, чем в любой угрозе.

— Они ждут нас? — спросил Кассель.

— Ждут, когда мы сделаем первый шаг, — ответил Маркус. — Это часть испытания. Мы должны подойти сами.

— Тогда идём. — Эстер направилась к шлюзу. — «Церера-2» готова.

— Нет. — Маркус остановил её. — На этот раз я пойду один.

— Что? Нет. Мы всегда ходили вместе.

— Мы всегда ходили вместе, потому что нас было мало, и мы были никем. Сейчас я — представитель человечества. Я должен говорить от лица всех. Если со мной что-то случится... вы должны быть здесь. Чтобы продолжить.

— Маркус...

— Эстер. — Он взял её за плечи. — Ты нужна им. Ты нужна Дариусу. Ты нужна Земле. Если я не вернусь — ты станешь капитаном. Ты продолжишь. Обещай мне.

Эстер хотела возразить. Но не стала. Она знала: он прав. И от этого было ещё больнее.

— Обещаю, — сказала она. — Но ты вернись.

— Постараюсь. — Он слабо улыбнулся. — Я всегда возвращаюсь.

Челнок с Маркусом на борту отошёл от «Эгиды» и направился к кораблю Испытателя. В рубке было тихо. Только гул двигателей да редкие щелчки приборов. Маркус смотрел на приближающуюся живую массу и думал. О том, что привело его сюда. О «Фениксе». О Призраке. О Лире. Обо всех, кто пожертвовал собой.

Он думал о вопросе, который задаст Испытатель. Каким он будет? «Кто вы?» «Чего вы хотите?» «Зачем вы существуете?» Он готовился к сотне вариантов. Но понимал: настоящий вопрос будет другим. Неожиданным. Таким, на который можно ответить только сердцем.

Челнок приблизился к кораблю. Тот раскрылся — без шлюзов, без дверей. Просто в поверхности образовался проход. Челнок вошёл внутрь. И тьма поглотила его.

Внутри корабль Испытателя был пуст. Ни стен, ни пола, ни потолка — только бесконечная белая пустота. Челнок остановился. Маркус вышел. Под ногами возникла твёрдая поверхность — корабль создал её специально для него. Впереди зажёгся свет. И голос, который он слышал год назад на маяке, зазвучал снова. Но теперь — ближе. Теплее. Почти интимно.

«Маркус Райт. Капитан. Человек. Ты пришёл один».

— Да. Я представляю человечество.

«Ты представляешь себя. Это важнее. Мы не говорим с человечеством. Мы говорим с тобой».

— Почему со мной?

«Потому что ты прошёл через всё. Ты потерял корабль. Ты потерял друга. Ты потерял память. Но ты продолжал идти. Ты — квинтэссенция вашего вида. То, что мы ищем».

Маркус стоял в пустоте. Вокруг него возникали образы — сначала размытые, потом всё более чёткие. «Феникс». Пожар. Лицо напарника, которое он так и не вспомнил. Первая «Церера». Призрак. Александр Кейн в своей капсуле. Лира Ашанти, растворяющаяся в свете маяка. Эстер. Дариус. Кассель. Все, кого он любил. Все, кого потерял.

— Что это? — спросил он.

«Твоя жизнь. Мы видим её. Мы видим всё».

— Тогда вы знаете ответы на все вопросы. Зачем спрашивать?

«Мы знаем факты. Мы не знаем выбора. Факты — это то, что случилось. Выбор — это то, кем ты стал. Мы хотим увидеть твой выбор».

Образы исчезли. Пустота сомкнулась. И голос задал вопрос.

Один вопрос. Всего один.

«Что ты будешь делать, когда не останется никого, ради кого жить?»

Маркус замер. Он готовился к вопросам о человечестве, о Земле, о галактике. А получил вопрос о себе. О том, что будет, когда всё кончится. Когда все, кого он любит, уйдут. Когда не останется миссий, маяков, Испытателей. Когда он останется один.

Ответ пришёл не сразу. Но когда пришёл — Маркус понял: это правда. Единственная правда, которая у него есть.

— Я буду жить, — сказал он. — Потому что я обещал. Потому что те, кого я любил, хотели, чтобы я жил. Потому что пока я жив — живы они. В моей памяти. В моих поступках. В моём выборе. Я буду жить. Даже когда не для кого. Даже когда не для чего. Просто потому, что жизнь — это единственное, что у меня есть. И я не отдам её.

Тишина. Долгая. Бесконечная. А потом голос произнёс — с оттенком чего-то, что можно было бы назвать удовлетворением:

«Ты ответил. Испытание завершено».

— Мы прошли?

«Вы прошли. Не потому, что ответ был правильным. А потому, что он был честным. Честность — это то, что мы ищем. Честность перед собой. Перед другими. Перед вселенной. Вы — первый вид за миллиард лет, который ответил честно. Мы запомним вас».

— Что теперь?

«Теперь — живите. Мы уйдём. Маяки будут спать. Первые не вернутся. У вас есть время. Сколько — зависит от вас».

Свет начал меркнуть. Корабль Испытателя растворялся, как утренний туман. Маркус почувствовал, как пол под ногами исчезает, и оказался в своём челноке. За иллюминатором «Эгида» сияла огнями. А корабля Испытателя больше не было.

— Мы прошли, — прошептал Маркус. — Мы прошли.

Глава 2. Вопрос

Эстер стояла на смотровой палубе «Эгиды» и смотрела, как корабль Испытателя растворяется в пустоте. Она видела, как челнок Маркуса отделился от него за мгновение до исчезновения. Видела, как он медленно, словно нехотя, направился обратно к станции. И только когда диспетчерская служба подтвердила, что на борту один пассажир, и он жив, Эстер позволила себе выдохнуть.

Она не плакала. Она разучилась плакать давно — ещё на «Стреле», когда смотрела, как Холт расстреливает гражданский транспорт. С тех пор слёзы были для неё непозволительной роскошью. Но сейчас, глядя на приближающийся челнок, она чувствовала, как что-то внутри отпускает. Какой-то узел, затянутый много лет назад, наконец ослаб.

— Он справился, — сказал Дариус, подходя к ней. Его голос звучал удивлённо. — Я читал дневники Александра. Он писал, что Испытатель — это последний рубеж. Что никто из тех, кого он изучал, не прошёл его. А Маркус прошёл.

— Маркус всегда проходит, — ответила Эстер. — Он упрямый.

— Дело не в упрямстве. Дело в чём-то другом. В том, что он сказал Испытателю. В том, какой вопрос ему задали. Я хочу знать.

— Узнаем. Он скоро будет здесь.

Челнок пристыковался к «Эгиде» через пятнадцать минут. Маркус вышел из шлюза один — уставший, с красными глазами, но с прямой спиной. Он обвёл взглядом встречающих: Эстер, Дариуса, Касселя, офицеров Совета, журналистов, которые каким-то образом просочились даже на военную станцию. И сказал только одно:

— Мы прошли.

Тишина взорвалась аплодисментами. Криками. Плачем. Кто-то обнимал соседа. Кто-то падал на колени. Кто-то просто стоял и не мог поверить. Эстер протолкалась сквозь толпу и схватила Маркуса за руку:

— Что он спросил?

— Позже, — ответил Маркус. — Не здесь. Не сейчас.

Она кивнула. Они прошли сквозь толпу, не отвечая на вопросы, не позируя для камер. Сейчас было не до этого. Сейчас нужно было просто побыть вдвоём. Вернее, втроём — Дариус присоединился к ним через минуту.

Они нашли пустую каюту в дальнем крыле станции. Закрыли дверь. Сели. И Маркус рассказал. О белой пустоте. Об образах прошлого. О голосе, который звучал как сама вселенная. И о вопросе.

— «Что ты будешь делать, когда не останется никого, ради кого жить?» — повторила Эстер. — Это всё? Один вопрос?

— Один. — Маркус потёр виски. — И я ответил. Сказал, что буду жить. Потому что обещал. Потому что те, кого я любил, хотели, чтобы я жил. Потому что жизнь — это всё, что у нас есть.

— Это правда? — спросил Дариус. — Ты действительно так думаешь?

— Теперь — да. Раньше я не думал. Раньше я просто существовал. Пил. Ждал конца. Но после «Цереры», после Призрака, после Лиры... я понял: жизнь — это не просто существование. Это обещание. Тем, кого мы потеряли. Что мы продолжим. Что мы не сдадимся. Что мы будем помнить.

Эстер взяла его за руку:

— Это хороший ответ. Лучший.

— Я надеюсь. — Маркус слабо улыбнулся. — Потому что другого у меня не было.

В дверь постучали. Вошёл Кассель. Он выглядел взволнованным — что было редкостью для этого человека.

— Извините, что прерываю, — сказал он. — Но у нас проблема.

— Что случилось? — Маркус встал.

— Мерритт. Он исчез. Вместе с «Прометеем». Мы думали, что он затаился на время Испытания. Но наши агенты сообщают: он вывел все свои активы из-под юрисдикции Совета. Все корабли. Все станции. Всех людей. Он что-то задумал.

— Что именно?

— Не знаю. Но за час до прибытия Испытателя наши сенсоры зафиксировали сигнал. Очень слабый. Из системы, где находится маяк номер один. Кто-то активировал его.

В каюте повисла тишина. Маяк номер один. Первый из построенных. Тот самый, который, по данным Лиры, содержал не просто технологию — а нечто большее.

— Он не мог активировать маяк без ключа, — сказал Дариус. — Ключ у Стража. У Лиры. На маяке номер ноль.

— Значит, у него есть другой способ, — ответил Кассель. — Или он нашёл другой ключ.

Маркус посмотрел на Эстер. На Дариуса. На Касселя. Он только что прошёл Испытание. Только что спас человечество. Но, похоже, это было ещё не всё.

— Готовьте «Цереру-2», — сказал он. — Мы вылетаем немедленно.

Виктор Хольт сидел в камере уже восемь месяцев. За это время он похудел на десять килограммов, отрастил бороду и приобрёл привычку разговаривать сам с собой. Камера была стандартной: бетонные стены, металлическая койка, терминал без доступа к сети. Никаких послаблений. Никаких свиданий. Только допросы. Бесконечные, изматывающие допросы, на которых он повторял одно и то же: «Я ничего не знаю. Я выполнял приказы. Спрашивайте у Мерритта».

Сегодня допрос был особенным. Потому что в камеру вошла Эстер Чен.

Хольт поднял голову. Увидел её. И усмехнулся — той самой усмешкой, которую она помнила ещё со «Стрелы». Хищной. Оценивающей. Бесящей.

— Пришла позлорадствовать? — спросил он.

— Нет. — Эстер села на стул напротив. — Пришла поговорить.

— О чём? О старых добрых временах? О том, как мы грабили транспортники? Как ты смотрела, как я убиваю колонистов?

— О Мерритте. Что он задумал?

Хольт засмеялся:

— А, так вот в чём дело. Тебе что-то нужно от меня. Я должен был догадаться.

— Мерритт активировал маяк номер один. Мы не знаем, как. Не знаем, зачем. Но ты знаешь. Ты был его правой рукой. Ты должен знать.

— Допустим, знаю. Что я получу взамен?

Эстер посмотрела на него долгим взглядом:

— Я не буду тебе угрожать. Не буду обещать свободу — это не в моей власти. Но я могу пообещать тебе кое-что другое. Правду.

— Правду? — Хольт склонил голову. — Какую правду?

— Ты думаешь, что Мерритт использовал тебя. Что ты был инструментом. Что он выбросил тебя, когда ты стал не нужен. Это правда. Но не вся. — Она подалась вперёд. — Ты хочешь знать, почему он выбрал именно тебя? Почему не кого-то другого?

— Почему?

— Потому что ты был удобен. Не самый умный. Не самый сильный. Самый удобный. Ты был готов убивать. Готов был предавать. Готов был идти за ним, не задавая вопросов. Ты был идеальным инструментом. А инструменты не ценят. Их используют и выбрасывают.

Хольт сжал кулаки. Пальцы побелели. Но он ничего не сказал.

— Мерритт тебя не боялся, — продолжала Эстер. — Он тебя презирал. Ты был для него просто пиратом. Грязным, тупым, предсказуемым. И когда он тебя выбросил, он даже не подумал, что ты можешь быть опасен. Потому что он считал тебя ничтожеством.

— Хватит, — процедил Хольт.

— Нет, не хватит. — Эстер встала. — Ты хочешь отомстить ему. Я знаю. Ты хочешь, чтобы он заплатил за то, что предал тебя. У тебя есть шанс. Расскажи мне, что он задумал. И я сделаю так, что он ответит за всё. Перед судом. Перед Советом. Перед всей галактикой.

— Ты не сможешь остановить его.

— Смогу. Я уже останавливала его. И тебя останавливала. Помнишь? На «Мантикоре»? Когда ты стоял в своей рубке и думал, что победил? А потом я вырубил тебя.

Хольт посмотрел на неё. Потом на свои руки. Потом на стену. Он думал. Просчитывал варианты. И наконец сказал:

— Маяк номер один — это не просто маяк. Это оружие. Первое оружие, созданное Изначальными. Все остальные маяки были построены позже — как часть сети. Но маяк номер один построили раньше. Как прототип. Как испытательный образец. Мерритт нашёл способ активировать его без ключа. Потому что на маяке номер один нет защиты. Он был создан до того, как Изначальные установили протокол Суда.

— Что он делает? — спросила Эстер.

— Он уничтожает. Не судит. Не оценивает. Уничтожает. Это оружие массового поражения. Если Мерритт активирует его полностью, он сможет стереть с лица галактики любую планету. Любую систему. По своему выбору.

— Зачем ему это?

— Чтобы диктовать условия. Он хочет не просто власть. Он хочет абсолютную власть. С маяком номер один он сможет угрожать Земле, колониям, Совету. И никто не посмеет возразить.

Эстер слушала. В её голове складывалась картина. Мерритт не просто хотел использовать маяки. Он хотел стать единоличным правителем. И у него был инструмент для этого.

— Где маяк номер один? — спросила она.

— В системе NGC-2241. Той самой, куда вы летали в прошлый раз. Только маяк не на краю системы. Он внутри звезды.

— Что?!

— Изначальные построили его внутри звезды. Чтобы никто не нашёл. Чтобы никто не активировал случайно. Мерритт нашёл способ проникнуть внутрь. У него есть корабль, способный выдержать температуру фотосферы. И он уже там.

Эстер развернулась и направилась к двери.

— Чен, — окликнул её Хольт. Она обернулась. — Когда найдёшь его... убей его. За меня.

— Я убью его не за тебя, — ответила Эстер. — Я убью его за брата.

Зал заседаний Совета бурлил. Новость об активации маяка номер один распространилась быстро — слишком быстро, как лесной пожар. Представители колоний кричали о немедленной эвакуации. Военные требовали нанести превентивный удар по позициям «Прометей». Дипломаты предлагали переговоры. Никто никого не слушал.

Маркус стоял перед Советом и ждал. Он знал: рано или поздно шум утихнет. И тогда он скажет то, ради чего пришёл.

— Тихо! — Кассель ударил кулаком по столу. — Капитан Райт, говорите.

— Маяк номер один — это оружие, — начал Маркус. — Не инструмент Суда. Не часть сети. Оружие массового поражения. Его активировал Орсон Мерритт. Он хочет использовать маяк, чтобы диктовать условия Совету. Если мы не остановим его сейчас, через несколько дней он сможет уничтожить любую планету по своему выбору.

Зал взорвался криками. Маркус подождал, пока шум утихнет:

— У нас есть информация от Виктора Хольта. Маяк находится внутри звезды в системе NGC-2241. У Мерритта есть корабль, способный проникнуть туда. Мы должны отправить экспедицию. Немедленно.

— Это самоубийство! — крикнул кто-то. — Корабль внутри звезды сгорит за секунды!

— У Мерритта не сгорел. И у нас не сгорит. — Вперёд вышел Дариус. — Я изучил чертежи Александра. Он разрабатывал защитное поле, способное выдержать экстремальные температуры. «Странник» оснащён таким полем. Мы можем использовать его.

— «Странник» повреждён, — возразил другой член Совета. — После прошлой миссии он едва летает.

— Его уже починили, — сказал Кассель. — За год мы восстановили все системы. «Странник» готов к вылету.

Совет зашумел снова. Голоса разделились. Кто-то поддерживал миссию. Кто-то считал её безумием. Кто-то предлагал альтернативные варианты.

— Мы можем просто уничтожить маяк? — спросил один из представителей. — Сбросить бомбу в звезду?

— Не можем, — ответил Дариус. — Маяк находится в ядре звезды. Никакая бомба не пройдёт фотосферу. Нужно идти внутрь и отключать его вручную.

— А если мы не успеем?

— Тогда Мерритт получит абсолютную власть. И наш Суд, который мы прошли, не будет иметь значения. Потому что судить будет он.

Совет погрузился в мрачное молчание. Наконец слово взял Кассель:

— Голосуем. Кто за то, чтобы отправить экспедицию?

Большинство подняло руки. Кто-то с неохотой. Кто-то с решимостью. Но подняли.

— Решение принято, — объявил Кассель. — Капитан Райт, вы командуете миссией. Кого берёте с собой?

— Эстер Чен, Дариус Кейн, доктор Солвейг, Танака. И адмирал Кассель, если он согласен.

— Согласен, — ответил Кассель без колебаний. — В моём возрасте стыдно отсиживаться в тылу.

— Тогда вылетаем через два часа, — сказал Маркус. — И да поможет нам Бог. Или Изначальные. Или кто-нибудь ещё.

Два часа пролетели как один миг. Эстер проверяла системы «Странника» с удвоенной тщательностью. Она знала: они идут в самое сердце звезды. Одна ошибка — и корабль превратится в облако плазмы. Но она доверяла технологии Александра Кейна. И доверяла себе.

Дариус настраивал защитное поле. Он работал молча, сосредоточенно, сверяясь с чертежами брата. Иногда его губы шевелились — он разговаривал с Александром. Или с собой. Или с кораблём.

Маркус сидел в рубке и прокладывал курс. Мысли его были далеко. Он думал о том, что сказал Испытателю. «Я буду жить». Теперь эти слова должны были стать реальностью. Он обещал жить. И он собирался сдержать обещание.

— Ты готов? — спросила Эстер, входя в рубку.

— Нет. Но я никогда не бываю готов. Просто делаю то, что должен.

— Это и есть готовность. — Она села в кресло второго пилота. — Знаешь, я думала о том, что сказал Хольт. О маяке внутри звезды. И о том, что Мерритт там.

— И?

— И я думаю: может быть, это судьба. Может быть, всё, что мы прошли — «Церера», маяки, Испытатель, — было подготовкой. Чтобы мы оказались здесь. Чтобы остановили его.

— Может быть. — Маркус посмотрел на неё. — А может быть, просто совпадение. Но мы всё равно идём.

— Да. Идём.

«Странник» отстыковался от «Эгиды» и взял курс на систему NGC-2241. Где-то там, в огненном сердце звезды, ждал маяк номер один. И Орсон Мерритт. И развязка, которую никто не мог предсказать.

Глава 3. Эхо тишины

«Странник» шёл сквозь пустоту, и пустота отвечала ему тишиной. Не той тишиной, что бывает в космосе — холодной и безразличной, — а другой, наполненной ожиданием. Словно само пространство знало: этот корабль несёт на борту людей, которые уже изменили судьбу галактики. И, возможно, изменят её снова.

Маркус сидел в кресле пилота и смотрел на навигационный экран. Курс был проложен: три прыжка до системы NGC-2241. Расчётное время в пути — двое суток. Двое суток на размышления. Двое суток на подготовку. Двое суток на то, чтобы осознать: они летят внутрь звезды.

Звезда эта носила каталожное имя HD-2241 и была обычным жёлтым карликом — почти как Солнце, только чуть горячее и чуть массивнее. Ни планет. Ни астероидов. Ничего, что могло бы заинтересовать колонистов или шахтёров. Именно поэтому Изначальные выбрали её для своего первого маяка. Идеальное укрытие. Никто не станет искать то, что находится внутри звезды.

Никто, кроме Орсона Мерритта.

— Ты опять не спишь, — сказала Эстер, входя в рубку. Она держала в руках две термокружки. Кофе. Настоящий, не растворимый. Последние запасы с «Эгиды».

— Не могу, — ответил Маркус. — Думаю о Мерритте.

— Что именно?

— Почему он это делает. Власть? Деньги? У него и так всё есть. «Прометей» — одна из крупнейших корпораций в галактике. Он мог бы просто... наслаждаться жизнью. А он вместо этого лезет в звезду, чтобы активировать древнее оружие.

— Власть и деньги — это не цель, — Эстер села в соседнее кресло. — Это средство. Для таких, как Мерритт, главное — контроль. Он хочет контролировать всё. Всех. И когда он видит что-то, что не может контролировать — Совет, Изначальных, нас, — это сводит его с ума.

— Ты говоришь как психолог.

— Я говорю как человек, который жил среди пиратов. Хольт был таким же. Мерритт — просто более умная версия Хольта. Но суть одна: они не могут остановиться. Потому что остановка для них равна смерти.

Маркус отпил кофе. Горький. Обжигающий. Именно такой, какой он любил:

— Мы должны остановить его. Не ради Совета. Не ради Земли. Ради него самого. Если он активирует маяк, он уничтожит не только нас. Он уничтожит себя. Просто он этого ещё не понимает.

— Ты стал философом, капитан.

— Я стал старым. — Он слабо улыбнулся. — Старые люди много думают.

Эстер хотела возразить — сказать, что он не старый, что пятьдесят три года для космического пилота это ещё не предел. Но не стала. Она знала: дело не в возрасте. Дело в том, через что он прошёл. «Феникс». «Церера». Призрак. Маяки. Испытатель. Каждое событие оставляло след. Не на лице — в душе.

— Мы справимся, — сказала она. — Как всегда.

— Как всегда, — согласился он.

В грузовом отсеке, переоборудованном под временную лабораторию, Дариус и доктор Солвейг работали с данными. После событий на маяке номер семь Солвейг добровольно сдавалась флоту и согласилась сотрудничать со следствием. Её показания помогли начать расследование против «Прометея». Но когда расследование застопорилось — Мерритт имел слишком много связей, слишком много адвокатов, слишком много грязных секретов на членов Совета, — Солвейг не ушла в тень. Она осталась. Потому что, как она сама сказала на одном из допросов: «Я посвятила жизнь изучению Первых. Я не брошу это сейчас».

Дариус поначалу относился к ней с недоверием. Бывший агент Мерритта. Бывший враг. Но за восемь месяцев совместной работы он привык. Солвейг была профессионалом. Холодным, расчётливым, иногда циничным. Но профессионалом.

— Я нашла кое-что, — сказала она, разворачивая голограмму. — Данные о маяке номер один. То, что удалось расшифровать из архивов Первых.

— Что именно? — Дариус подошёл ближе.

— Маяк номер один — это не просто оружие. Это генератор. Он создаёт направленный луч тёмной материи. Если направить его на планету, он не взорвёт её. Он... дезинтегрирует. Разберёт на атомы. На субатомные частицы. На чистую энергию.

— Звезда Смерти, — пробормотал Дариус. — Как в старых фильмах.

— Хуже. Звезда Смерти просто взрывала планеты. Маяк номер один стирает их из реальности. Ни обломков. Ни следа. Как будто планеты никогда не существовало.

Дариус посмотрел на голограмму. Луч тёмной материи. Абсолютное оружие. То, что Мерритт хотел получить в свои руки:

— Мы можем отключить его? Как отключили маяк номер ноль?

— Не знаю. Маяк номер ноль был центром управления. Маяк номер семь был передатчиком. А этот... он автономен. У него нет протокола Суда. Нет защиты от несанкционированного доступа. Мерритт может активировать его в любой момент.

— Почему он ещё не активировал?

— Возможно, маяк требует времени на полную зарядку. Или Мерритт ждёт чего-то. Или...

— Или?

Солвейг помолчала:

— Или он хочет, чтобы мы пришли. Он знает, что мы летим. Он мог бы уничтожить нас прямо сейчас — направить луч на «Странник» и покончить со всем. Но он этого не делает. Почему?

— Потому что ему мало просто убить нас, — ответил Дариус. — Ему нужно, чтобы мы видели его триумф. Чтобы мы поняли, что проиграли. Чтобы мы страдали.

— Вы уверены?

— Я изучал Мерритта восемь месяцев. Он нарцисс. Ему мало победы. Ему нужно признание. Даже от врагов. Особенно от врагов.

Солвейг кивнула. Она знала: Дариус прав. Мерритт был из тех людей, которые не просто хотят выиграть. Они хотят, чтобы проигравшие знали, кто их победил. И наслаждались своим поражением.

— Тогда у нас есть шанс, — сказала она. — Пока он играет с нами, мы можем подготовиться. Найти уязвимость. Придумать план.

— Уязвимость оружия, построенного Изначальными миллиарды лет назад? — Дариус покачал головой. — Легко сказать.

— Я не говорила, что будет легко. Я сказала, что у нас есть шанс.

На вторые сутки полёта, когда до системы NGC-2241 оставалось меньше двенадцати часов, Маркус уснул прямо в кресле пилота. Он не собирался спать. Просто закрыл глаза на минуту — и провалился в темноту.

Ему приснился Призрак.

Не тот Призрак, которого он помнил по «Церере» — голос в терминале, размытый силуэт в голубом свечении. Другой. Настоящий. Александр Кейн — такой, каким он был при жизни: высокий, с резкими чертами лица и усталыми, но добрыми глазами. Он стоял на мостике корабля, которого Маркус никогда не видел. Огромные панорамные окна. Звёзды, которые складывались в незнакомые созвездия. И тишина. Такая глубокая, что её можно было потрогать.

— Ты не должен быть здесь, — сказал Маркус. — Ты ушёл.

— Я ушёл, но не совсем, — ответил Кейн. — Часть меня осталась. В тебе. В Эстер. В Дариусе. В корабле. Я — эхо. Память. То, что не исчезает.

— Почему ты здесь?

— Потому что ты стоишь на пороге. Потому что то, что ты сделаешь в ближайшие часы, определит всё. Не только твою судьбу. Судьбу человечества. Судьбу галактики. Судьбу самой жизни.

— Ты говоришь загадками.

— Я говорю правду. — Кейн улыбнулся. — Ты всегда хотел правды. Даже когда она была болезненной. Даже когда ты не мог её вынести. Это твоя сила, Маркус. Ты не отворачиваешься. Ты смотришь в лицо.

— Что я должен сделать?

— Ты должен выбрать. Не как капитан. Не как представитель человечества. Как человек. Ты должен решить, что для тебя важнее: справедливость или милосердие. Месть или прощение. Ты должен будешь выбрать между ними. И от этого выбора будет зависеть всё.

— Почему я? Почему не Совет? Не Эстер? Не кто-то другой?

— Потому что ты — тот, кто прошёл Испытание. Ты ответил на вопрос. Ты доказал, что достоин. Теперь ты должен доказать, что достоин не только жить. Но и решать.

Кейн положил руку на плечо Маркуса. И в этом прикосновении было что-то странное. Не тепло. Не холод. Что-то третье. Что-то, что Маркус не мог описать словами.

— Просыпайся, капитан, — сказал Кейн. — Тебя ждут.

Маркус открыл глаза. Он всё ещё сидел в кресле пилота. За иллюминатором мерцали звёзды. На навигационном экране пульсировала точка — система NGC-2241. До неё оставалось десять часов.

— Ты в порядке? — спросила Эстер. Она стояла рядом, видимо, только что вошла.

— Да. — Маркус потёр лицо. — Просто сон.

— Какой?

— Призрак. Александр Кейн. Он говорил со мной.

Эстер села:

— О чём?

— О выборе. О том, что я должен буду выбрать. — Он посмотрел на неё. — Он сказал, что я должен решить, что важнее: справедливость или милосердие. Месть или прощение.

— И что ты выберешь?

— Не знаю. Пока не знаю. Но когда придёт время — я пойму.

Они сидели молча. Звёзды за бортом текли своим вечным путём. Где-то впереди ждала звезда, внутри которой прятался маяк. Где-то ещё дальше — Орсон Мерритт, который готовился нанести удар. А где-то в прошлом — эхо голоса, который продолжал звучать. Даже после смерти. Даже после всего.

Кассель не спал. Он сидел в своей каюте и писал. Не рапорт. Не приказ. Письмо. Он писал его уже третий день, перечёркивал, рвал, начинал заново. Адресат был один — его дочь, Лина. Она жила на Марсе, работала в колониальной администрации и не видела отца уже два года. Кассель звонил ей раз в месяц. Короткие, неловкие разговоры ни о чём. «Как дела?» «Нормально». «Как работа?» «Хорошо». «Береги себя». «Ты тоже». И всё.

Теперь он писал письмо, которое она прочтёт, только если он не вернётся. Он знал, что шансы невелики. Полёт внутрь звезды. Встреча с Мерриттом. Попытка отключить древнее оружие. Всё это звучало как сценарий для героической гибели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.